Амулет для влюбленных

Автор:
Светлана Лубенец

Амулет для влюбленных

Светлана Лубенец

Только для девчонок

Весь класс стоит на ушах! В тихую и скромную Марину влюбились сразу четыре парня! А она, всю жизнь опекающая несчастных, и здесь не изменила себе: выбрала объектом обожания троечника Богдана. Хотя ее внимания добивались и красавец Феликс, и отличник Илья, и Вадим – самый клевый парень в классе. Но Богдан, вместо того, чтобы всем на зависть гулять с необыкновенно популярной Мариной, переметнулся к другой девчонке…

Светлана Лубенец

Амулет для влюбленных

Глава 1

Странная Марина и расстановка действующих лиц вокруг нее

Кошка была жалкой, тощей и к тому же с абсолютно голым животом. Марина знала, что у кошек шерсть может выпадать не от ужасных болезней, а всего лишь от недостатка витаминов. У этой симпатяги наряду с голым животом была еще такая умильная мордаха с печальными желтыми глазами, что Марина обязательно взяла бы ее домой, если бы там уже не жили целых две кошки, Муся

и Буся.

Мусю она два года назад самым натуральным образом нашла на помойке, застукав за пожиранием ржавых селедочных хвостов. Когда Мусю отмыли от селедки и грязи, она превратилась в рыжего полуперса с веселой беленькой мордочкой. Щечки кошки были украшены аккуратными круглыми рыжими пятнышками, за что она первоначально получила кличку Матрешка. Произносить это довольно милое, но длинное имя было неудобно, поэтому Марина однажды наскоро переименовала ее в Мусю. Кошке на переименование было решительным образом наплевать, потому что, прожив большую часть своей сознательной жизни безымянной, она принципиально не отзывалась ни на Матрешку, ни на Мусю, зато мгновенно и без перебоев откликалась на слово «на!».

Буся в прошлом году сама прибилась к квартире Митрофановых, проскользнув сквозь Маринины ноги в прихожую, где и поселилась. Была она простой дворняжьей породы, гладкошерстная, серо-полосатая. Марина любила обеих кошек одинаково горячей любовью, невзирая на явную разницу в происхождении. Полукровка Муся беспородную Бусю презирала и никогда с ней вместе даже не обедала на митрофановской кухне. Правда, настоящей причиной этого, возможно, было не столько веление части ее благородной крови, сколько волевой и беспардонный характер Буси, которая никого не подпускала к еде, пока сама не насытится. Маринина мама, скрипя зубами, самым героическим образом терпела присутствие в доме двух кошек, но вряд ли смогла бы вытерпеть появление третьей, даже такой замечательно-белой, с черными неровными пятнами на спинке. Марина еще раз почесала за ушком голоживотую симпатягу, которая тут же с готовностью прищурила свои желтые глаза и заурчала. Девочка тяжело вздохнула, легонько сбросила кошку с колен и пошла домой к Бусе и Мусе.

Мы так много сказали о Бусе с Мусей и о безымянной черно-белой кошечке, потому что именно они характеризуют Марину лучше всего. Марина Митрофанова, сколько себя помнила, всегда жалела всех и вся: кошек, собак, ворон, лягушек и даже хомяка Шурика, который жил у ее подруги Милки в трехлитровой банке. Марина посчитала, что Шурику в банке тесно, и отдала в его полное владение большую проволочную клетку, в которой не так давно почила в бозе ее престарелая морская свинка Машка.

Жалела Марина не только животных, птиц и земноводных. Она, например, жалела и довольно мерзкого вида старушонку, которая облюбовала для попрошайничества вход в соседний универсам. Марина всегда опускала в ее замызганный пластиковый стаканчик из-под йогурта деньги, оставшиеся от школьных завтраков, несмотря на то, что однажды собственными глазами убедилась: старушка гораздо богаче ее родителей, конструкторов карбюраторного завода «Вымпел». Марина стояла в очереди универсама как раз за старушонкой, когда та высыпала на блюдечко кассы мелочь из своего йогуртового стаканчика, двух карманов драной детской каракулевой шубенки и еще из неимоверно грязного мешочка непонятного происхождения. Ловкими пальцами пересчитав старушонкину мелочь, кассирша выдала ей на руки тысячу тридцать рублей наличными единовременно. Быстренько помножив в уме округленный в меньшую сторону, до тысячи рублей, дневной заработок старухи на двадцать календарных дней (положив ей, ввиду преклонного возраста, целых десять дней на выходные), Марина получила весьма приличную для людей со средним достатком цифру аж в двадцать тысяч. Конструкторы карбюраторного завода в месяц зарабатывали, конечно, побольше, но ненамного. Но если вы думаете, что с тех пор Марина перестала опускать в старухин стаканчик свою жалкую мелочь, то сильно ошибаетесь. Она все равно продолжала подавать старухе. Ей казалось, что если она пройдет мимо, то со старушонкой обязательно случится что-нибудь нехорошее, например, ей больше не подаст вообще никто, и она тогда непременно помрет от огорчения, потому что от голода – это вряд ли.

Нам пришлось так много времени уделить мерзкой старушонке, потому что теперь вам будет понятно непреодолимое тяготение Марины Митрофановой к Рыбареву и Криворучко. Хотя, пожалуй, о Рыбареве и Криворучко мы заговорили преждевременно. Есть смысл прежде рассказать еще кое-что, а именно: с детского сада Марина жалела и опекала неприкаянных, некрасивых и отверженных детей. Например, в младшей группе детского сада № 17 никто не хотел становиться в пару с Юрой Лякиным, который регулярно писался в кровать во время тихого часа, и от него вечно плохо пахло. Марина всегда приходила на выручку Лякину, когда тому не хватало пары. Ей в то время даже снились цветные сны про Юру: как она купает его в красном тазике, будто куклу-голыша, потом заворачивает в махровую простынку небесно-голубого цвета и укладывает спать в чистую свежую постельку на хрустящее белье в желтенький цветочек. Именно Юра Лякин был первой Марининой любовью, хотя он об этом не догадывался и поэтому в свои сухие периоды иногда ее даже поколачивал, хотя, надо отдать ему должное, не сильно.

Второй Марининой любовью стал Фелик Лившиц. С ним ее посадили за одну парту в первом классе. Мелкого и жутко кудрявого Фелика все дергали, щипали и дразнили Носопырой. Носопыра у Лившица действительно была неслабая: с внушительной горбинкой и круто вырезанными ноздрями. Марина тут же взяла Фелика под свое покровительство и любила его вплоть до девятого класса. На нынешнюю торжественную линейку, посвященную празднику Первого сентября, Лившиц неожиданно для всех явился сильно вытянувшимся, с несколько развившимися, модно постриженными кудрями и носопырой, которая перестала быть ему велика. Девчонки Марининого 9-го «Г» тут же постановили:

1) Что Лившиц стал похож на библейского персонажа.

2) Что ему больше не к лицу прозываться какой-то там Носопырой или даже Феликом, а потому стоит звать его полным именем – Феликс, и начали наперебой строить ему глазки.

Марина же моментально утратила к Лившицу интерес и даже пересела со старого места, на котором просидела целых семь лет, к своей подруге Милке Константиновой. На Маринино место к Феликсу тут же припорхнула Лена Слесаренко, а Маргарита Григорович, по прозванию Марго, опоздала, и потому ей пришлось довольствоваться не слишком выразительным Алешей Пороховщиковым.

Некоторое время Маринино жалостливое сердце оставалось пустым, пока она не сообразила, что в их 9-м «Г» есть, по крайней мере, еще двое, кто нуждается в ее опеке и покровительстве. Таким образом мы наконец и подобрались к Рыбареву и Криворучко.

Богдан Рыбарев, которого, смотря по обстоятельствам, звали то Рыбой, то Рыбарем, был абсолютно серым, неприметным троечником, временами сбивающимся на абсолютные «пары», и одновременно сыном школьной уборщицы тети Люды. Илья Криворучко, наоборот, являлся зубрилой, отличником и сыном директора фабрики детских игрушек «Карлсон». Понятно, что ему приходилось отзываться на Кривую Ручку или, на худой конец, на Карлсона.

Рыбарь занял освободившееся место в Марининой сердце по причине своей бедности. Никто в школе хуже его не одевался, если не считать всякую мелкоту,

которая еще просто не доросла до осознания справедливости первой части поговорки «по одежке встречают». Мать Рыбаря, уборщица тетя Люда, имела, помимо Богдана, еще троих Рыбарей: близняшек Олю и Толю, которые учились в пятом классе, и первоклассника Ромочку. Все Рыбари, как один, были одеты в жалкие застиранные кофтенки и джинсики из магазинов секонд-хенда и одинаково презирались школьниками своей возрастной категории. Сначала Марина начала жалеть всех Рыбарей скопом, но потом решила не распыляться и сосредоточиться на Богдане. Она сама предложила ему к списыванию ежедневные домашние задания по любому предмету, а на контрольных пересылала записки с решениями уравнений и задач его варианта, хотя сама сидела на другом. На диктантах она садилась с Богданом за одну парту. Классная руководительница, которая одновременно была и русачкой, смотрела на это даже одобрительно, потому что в противном случае Рыбарь делал бы столько ошибок, что оценивать его работу приходилось бы отрицательным числом. Надо сказать, что Богдан Рыбарь принял неожиданно свалившиеся на его голову Маринины благодеяния благосклонно и даже сердился, если она вдруг заболевала накануне «контрошки» или диктанта.

Одновременно с Рыбарем Марина полюбила и Кривую Ручку (он же Карлсон). В отличие от Рыбаря, Илья Криворучко был весьма зажиточным человеком по причине директорства папы. Учился он отлично, а потому ни в чьей помощи на ниве образования не нуждался. Марина решила полюбить его за некрасивость, неказистость и низкорослость. В отличие от Рыбаря, Карлсон Марину боялся и был счастлив, когда ее по какой-нибудь причине не было в школе. Ему гораздо привычнее и спокойнее было получить очередной подзатыльник от Вадима Орловского, чем выслушивать, как Митрофанова стыдит Вадика за то, что он обижает слабого и беззащитного Карлсона. Карлсон и сам знал, что беззащитен, хотя иногда ему казалось, что его беззащитность уже почти незаметна постороннему глазу, но именно тут-то и вылезала Митрофанова и всем об этом напоминала.

К слову, тут надо сказать и об Орловском. Он являлся «первым парнем на деревне» 9-го «Г» и еще знаменитым хоккеистом юношеской сборной Марининого района. Он был длинноног и длинноволос. Волосы небрежно убирал в хвост, а ноги засовывал то в запредельной фирменности джинсы, то в такие штаны на молниях и заклепках, которым и названия-то еще не придумали. Девчонки млели, когда он с ними заговаривал, а имя его произносили с придыханием и нараспев: «Ва-а-ди-ик». Понятно, что при наличии выигрышных внешних данных, хорошей физической формы, материального благополучия, приличной успеваемости и общей счастливости Орловский абсолютно ничем не

мог заинтересовать Марину Митрофанову. Она никогда без надобности не смотрела в его сторону, в случае необходимости называла строго официально Вадимом и никогда при разговоре с ним не закатывала глазки и не делала дебильного лица, как все остальные девчонки. Орловского это удивляло, задевало, и он все чаще останавливал взгляд своих светлых глаз на Митрофановой. Надо сказать, что он уже давно отметил и ладную Маринину фигурку, и пушистые светлые волосы, завязанные в такой же хвост на затылке, как у него самого, и ясные голубые глаза, и ямочки на щеках, появлявшиеся, когда она улыбалась. Он даже как-то пару раз после занятий попытался завязать с ней легкий треп, чтобы ненавязчиво, между делом, пригласить прогуляться, но она, сославшись на какие-то важные дела, тут же уходила домой. Неотразимому Вадиму Орловскому оставалось только сожалеть, досадовать и удивляться странной Марине Митрофановой.

А странная Марина последнее время тоже стала задумываться о своей странности. Все девчонки их 9-го «Г» помешались на любви. Основная их масса обожала Орловского, большая часть оставшейся от Вадика части сохла теперь по Феликсу Лившицу, меньшая – неконтролируемо распределялась между другими единицами мужского пола 9-го «Г» и за его пределами. Марина Митрофанова к концу первой четверти вдруг осознала, что любит Рыбаря и Кривую Ручку какой-то неправильной любовью: не романтической, каковая наблюдалась у большинства девчонок, а материнской, да к тому же еще и с ветеринарным уклоном. Она пичкала Рыбаря своими «домашками», как «породистую» Бусю – витаминами, чтобы у той лучше густилась шерсть. Она защищала Кривую Ручку от Орловского, опять же, как Мусю от нагловатой и самоуверенной Буси. И если раньше такая любовь еще могла хоть как-то пойти в зачет, то в 9-м классе, на пороге старшей школы, она угрожала выставить Митрофанову в весьма невыгодном свете.

Марина порадовалась тому, что вовремя разобралась в своем несоответствии общепринятым нормам, и решила срочно исправиться. Она собралась тотчас же взглянуть на Рыбаря и Кривую Ручку под другим углом зрения, чтобы выявить качества, за которые в них можно влюбиться до такой степени, чтобы жаждать вечерних свиданий и поцелуев, как в кино. Не думайте, что Марина решила по-настоящему влюбиться сразу в двоих. Она просто могла выбрать, поскольку было из кого. Начала она с Кривой Ручки и как-то сразу сникла. Независимо от угла зрения, особого наклона головы и даже освещения, Илья Криворучко на героя романа никак не тянул. Единственным, что показалось Марине достойным внимания в его персоне, была длинная шея. Если бы Илья был девчонкой, то такую шею, возможно, даже называли бы лебединой, но парня она совершенно

не украшала, и Марина решила поскорей и напрочь о ней забыть. Она сходила в библиотеку, покопалась там на полках «Здоровье, физкультура и спорт», отыскала несколько методичек, рекомендующих комплексы упражнений по увеличению мышечной массы и строительству красивой фигуры. Особые надежды она возлагала на пособие доктора Свиридова по вису на турнике с отягощениями с целью увеличения общей длины тела. Всю эту литературу она выдала Кривой Ручке, велела проштудировать и сделать конспект по вису на турнике. Илья тут же пообещал все выполнить в лучшем виде и в максимально короткие сроки, лишь бы эта ненормальная Митрофанова от него поскорей отвалила.

Выполнив свой долг в отношении Кривой Ручки, Марина переключилась на Рыбаря. На первый взгляд он показался ей не столь безнадежен, как Илья. Если не опускать глаза на жеваную грязно-синюю куртку от спортивного костюма и коротковатые замызганные джинсики, а смотреть только на лицо Богдана, то в нем можно было увидеть многое, достойное самой пламенной любви. Во-первых, Рыбарь был абсолютным блондином с нежно-розовой кожей и серо-голубыми глазами. Во-вторых, как всем известный Григорий Александрович Печорин, он имел при этом темные ресницы и брови, что, как утверждал М.Ю. Лермонтов, являлось признаком породы у людей и лошадей. Если, опять же абстрагировавшись от куртки и джинсиков, оценить рост и фигуру Богдана, то результаты будут самые утешительные: в физкультурном строю Рыбарь стоял на втором месте после Вадима Орловского. Найдя в Богдане столько замечательных качеств, Марина решилась даже представить, на пробу, как он наклоняется к ней с высоты своего весьма приличного роста и целует ее в губы. Результатом этого представления оказалась дрожь во всем теле и мороз по коже. Митрофонова тряхнула головой и руками, прогоняя дрожь, и поняла, что Богдан Рыбарь вполне может стать героем ее романа, если в ближайшее же время выстирает свою грязную куртку и отпустит подгиб у джинсов.

Прежде чем мы перейдем к основным событиям нашего повествования, надо сказать еще об одном человеке: о некоей бабке Антонине. Не думайте, что мы опять вспомнили ту старушонку с йогуртовым стаканчиком. Имени той старушонки вообще никто не знал, и возможно, что под звонкий перезвон монет она и сама его давно забыла. Мы оставим ее спокойно стоять на посту у дверей универсама и займемся бабкой Антониной, которая жила на первом этаже Марининого дома и всю свою старушечью жизнь проводила у окна во двор.

Двор для обзора был очень удобен, потому что представлял собой правильный прямоугольник, образованный четырьмя домами. Вход во двор был всего один и находился аккурат напротив окна бабки Антонины. Благодаря ее неусыпному бдению, ни один сомнительный элемент не мог просочиться незамеченным во двор и сделать в нем какие-нибудь свои неблаговидные дела: что-нибудь распить или улечься спать на газон. Если кто-нибудь посторонний и намеревался сделать что-либо из выше перечисленного, бабка Антонина тут же выскакивала на улицу с чугунной сковородкой наперевес в одной руке и со сломанным мобильником, который бросил в нее внук, – в другой. Она размахивала сковородкой и делала вид, что звонит по мобильнику в милицию, и все сомнительные элементы предпочитали покинуть охраняемую территорию, поскольку рядом сколько угодно дворов, свободных от бабок со сковородками. Таким образом, благодаря Антонине двор процветал в прямом и переносном смыслах. Он был очень чистым, а летом утопал в цветах.

На этом польза от бдения бабки Антонины заканчивалась и начинался сплошной вред населению четырех домов. Ничто не ускользало от острого бабкиного взгляда. Она знала про жильцов абсолютно все: кто куда пошел, кто к кому пришел, кто с кем дружит, кто кого ненавидит, кто женился, кто развелся и кто с кем тайно целуется. Каждый, возвращаясь домой, при входе во двор приглаживал волосы, поправлял одежду и принимал самый благопристойный вид, на какой только был способен. И каждый ощущал себя при этом действующим лицом бесконечного сериала, который вечно смотрит из своего окна бабка Антонина. Она на своем подоконнике пила чай, поливала красную герань, ела суп и грызла куриные окорочка. Когда она успевала готовить себе еду, не знал никто.

Ну вот, теперь все действующие лица обозначены, расстановка сил ясна, и мы наконец можем рассказать нашу историю.

Глава 2

Боги Олимпа не против

– Познакомьтесь! Это моя бывшая ученица Элечка, – Людмила Ильинична представила своему 9-му «Г» тоненькую стройную девушку в голубом

джинсовом костюме, расшитом стразами. – Хотя для вас она, конечно, не Элечка, а Элеонора Сергеевна.

Девушка слегка порозовела и смущенно улыбнулась, а Людмила Ильинична, обняв ее за плечи, торжественно продолжила:

– Элеонора Сергеевна оканчивает Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств по специализации «Режиссура театрализованных представлений и праздников», то есть всяческих массовых зрелищ, и ей нужно пройти преддипломную практику. Я предложила ей сделать это на базе нашего класса.

– Неужели она специально для нас поставит массовое зрелище? – хохотнул классный весельчак и балагур Вася Курослепов, которого в обиходе все, конечно, звали Курой. – Хорошо бы с эротическим уклоном!

9-й «Г» грянул богатырским смехом, а бедная Элеонора Сергеевна из розовой стала густо-малиновой. Людмила Ильинична, выпустив худенькие плечики бывшей ученицы, строго сказала Курослепову:

– Еще одно слово в подобном духе, и ты, Василий, будешь лишен до конца года абсолютно всех массовых зрелищ, включая дискотеки.

– Молчу-молчу! – поднял руки вверх Кура. – Без дискотек, Людмила Ильинична, я – не человек, вы же знаете! О! Заметили? – обратился он к классу, радостно сверкая серыми, чуть раскосыми глазами. – Я стихи сочинил: «Без дискотек я – не человек!» Впервые в жизни! Это только благодаря вам, Элеонора Сергеевна! – И он, вскочив со своего места, церемонно раскланялся перед вконец растерявшейся будущей режиссершей массовых зрелищ.

Девятиклассники опять дружно и с удовольствием рассмеялись.

– Элечка, не обращай на него внимания, – махнула рукой на Куру классная руководительница. – Вася, в сущности, неплохой парень, хотя и страшный балаболка. Его болтовня иногда очень утомляет, но в общем-то она довольно безобидна. Не сердись на него. Лучше расскажи ребятам, что ты хочешь им предложить.

Тоненькая и малиновая лицом Элеонора Сергеевна в молитвенном жесте сложила на груди детские ручки и сказала высоким звенящим голосом:

– Я хотела предложить вам организовать праздник для младшеклассников… – И она опять замолчала, нервно теребя застежку на курточке.

– Ты ведь уже даже придумала какой, – изо всех сил старалась помочь своей бывшей ученице Людмила Ильинична.

– Да… – выдохнула Элечка.

Она еще не знала, но все девятиклассники, не сговариваясь, уже поняли, что между собой будут называть ее только так.

– Ну! – опять подбодрила ее классная руководительница 9-го «Г».

Элечка улыбнулась ей подрагивающими губами и выпалила одним духом:

– Поскольку шестиклассники по литературе проходят мифы народов мира, то я предлагаю поставить праздник как раз на материале мифов и легенд Древней Греции.

– Чур, я буду Стимфалийской птицей! – опять выкрикнул Курослепов, снова сорвался с места и забегал взад-вперед по проходу, размахивая руками, как крыльями.

– Какая ж ты птица? – лениво возразил ему Вадим Орловский. – Ты – Стимфалийская Кура!

– А кто сказал, что курица не птица? – выкрикнул Вася, и его слова потонули в громоподобном хохоте одноклассников.

Не могла скрыть улыбки и Людмила Ильинична. Неожиданно открыто и наконец без смущения рассмеялась и Элечка.

– Ой, не могу! Насмешил! И я, честно говоря, удивлена такому глубокому знанию предмета. Стимфалийские птицы… Можно, конечно, и их включить, тем более

что одна у нас уже есть, – глядя на Куру с доброй улыбкой, проговорила она.

– А у нас и свой Геракл имеется! – опять подал голос Орловский.

– Да? – доверчиво улыбнулась и ему Элечка. – И кто же?

– А вон он сидит! – Вадим показал на еле возвышавшегося над столом Кривую Ручку.

Класс опять покатился со смеху. Кривая Ручка еще более вжался в стол, а Элечка, подавившись готовой вырваться новой порцией смеха, осуждающе сказала:

– То, что вы сейчас сказали, молодой человек, вам не к лицу. Доброта вас украсила бы гораздо больше.

Орловский с кривой улыбкой отвернулся к окну, в классе установилась неприятная тишина, а Марина Митрофанова порадовалась, что достала для Кривой Ручки очень хорошие книги. Занимаясь по ним, он вполне сможет в ближайшем же будущем построить себе фигуру настоящего Геракла, и Орловский заткнется раз и навсегда и даже еще будет ему завидовать.

– Честно говоря, – нарушил всеобщее неловкое молчание Феликс Лифшиц, – эти греческие мифы уже надоели до тошноты. Все их без конца разыгрывают, будто бы больше и нечего. Мы сами в шестом классе их уже представляли. Между прочим, эта Стимфалийская птица, – он кивнул головой на Куру, – изображал кузнеца Гефеста, в материном фартуке с оборочкой и с надувным молотком. Помнишь, Васька?

– Еще бы! Я даже помню, как Леха Пороховщиков мне этот молоток гвоздем проткнул, и он у меня сдулся в самый ответственный момент.

– Вот-вот! У него молоток сдулся, а меня кто-то за поясок дернул, и мой, с позволения сказать, хитон из домашней простыни упал к ногам, когда я, будучи Купидоном, пытался пустить в кого-то стрелой из пластмассового лука ядовито-красного цвета.

– Ну… я даже не знаю… – огорчилась Элечка. – Вы можете предложить что-нибудь другое? Я, вообще-то, не против… Пожалуйста…

– А правда, ребята, что нам эти древние мифы? – подхватила мысль Феликса задушевная Маринина подруга Милка Константинова. – Давайте лучше поставим что-нибудь про любовь. Например, «Ромео и Джульетту».

– Ага! Шестиклашкам как раз только «Ромео с Джульеттой» и не хватает для полного счастья, – снисходительно заметил Константиновой Лившиц.

– Наверно, не обязательно для шестого класса, ведь так, Элеонора Сергеевна? – с надеждой спросила Милка.

– Мила! Ты немножко не поняла, что, собственно, нужно Элеоноре Сергеевне, – мягко возразила ей Людмила Ильинична. – Она постановщик не спектаклей, а театрализованных представлений, то есть массовых зрелищ.

– Ну… тогда… может быть, хотя бы без простыней? – скривив перламутровые губки, сказала Милка. – Я целиком и полностью поддерживаю Феликса: надоели уже всякие там Гефесты и Аполлоны с Афродитами.

– Может быть, вы и правы, – задумчиво проговорила Элечка. – Даже, скорее всего, правы! И я рада, что вы до этого додумались! Жаль, что не я, – и она опять улыбнулась девятиклассникам. – Я сейчас, конечно, не готова к обсуждению чего-то другого, помимо греческих мифов, но я подумаю… Спасибо вам, что не отнеслись равнодушно к моему предложению.

Как только Элечка закончила говорить, из окна на ее лицо упал яркий луч солнца, сумевший наконец пробиться сквозь сизые тучи, с утра плотным слоем обложившие небо.

– Глядите, а боги Олимпа не против того, чтобы мы их оставили в покое! – завопил дурным голосом Кура. – Весь день за окном был сплошной мрак, а тут вдруг солнышко выглянуло. Одобряет старик Зевс наше решение!

И все опять засмеялись.

Когда Элечка ушла из класса, Милка вслух спросила:

– Что-то я не очень понимаю, что же такое массовое зрелище… Если уж спектакль не массовое зрелище, то я и не знаю, что тогда массовое…

– Массовое зрелище, Константинова, это, чтоб ты знала, – открытие Олимпийских игр или, к примеру, лазерное шоу, – ответил ей Вася.

– Ну и дурак ты, Стимфалийская Кура, – снисходительно покачала головой Милка. – Какое лазерное шоу можно организовать из древнегреческих мифов? Тут что-то другое…

– Насколько я поняла Элеонору Сергеевну, – вмешалась Людмила Ильинична, – она собиралась поставить такой праздник, где вы, одетые богами, проводили бы с шестиклашками всякие викторины, игры, а заодно проиграли бы несколько отрывков из мифов.

– Да ну-у-у… – протянула Милка. – Скукота одна…

Большая часть одноклассников с ней тут же согласилась.

– Знаешь, Маришка, – огорченно заявила Милка Константинова, когда они с Митрофановой шли из школы домой, – зря все-таки эта Элечка не ставит спектакли. Так хочется Джульетту сыграть, просто ужас… У меня обязательно получилось бы! Вот слушай: «Ромео! О-о-о-о! – душераздирающе крикнула она на всю улицу. – Зачем же ты, Ромео?..» Как там дальше-то… Не помнишь?

– Не помню, – улыбнулась Марина. – А чего ты так развопилась? Она же Джульетта, а не диджей.

– Так она ж, кажется, с балкона ему кричала… Или нет?

– Она не кричала, а сама с собой разговаривала.

– Ну… это почти одно и то же! – не огорчилась Милка и взахлеб продолжила мечтать дальше: – А чтобы Ромео непременно играл бы Феликс или Вадик

Орловский. Тебе кто больше нравится, Феликс или Вадик?

– Никто, – буркнула Марина.

– Ой! Ну ладно врать-то! Всем они нравятся, а ей, видите ли, не нравятся. Я тебе, Мариночка, почему-то все всегда говорю, а ты мне – ничего. Даже обидно!

– Ну и чего ты мне такого секретного сказала? Что-то я ничего не помню.

– Как это что? Я буквально минуту назад честно и откровенно призналась, что мне нравятся Орловский и Лившиц, только я никак не могу понять, кто больше. Вчера мне казалось, что Вадик, а сегодня, когда он так некрасиво выступил с Кривой Ручкой, то я подумала, что Лившиц как-то интеллигентней… Ты-то как думаешь?

– Если рассматривать с точки зрения интеллигентности, то Феликс, конечно, лучше, – согласилась Митрофанова.

– Слушай, Маринка! – Милка до невозможности округлила глаза. – Я, между прочим, давно хотела тебя спросить, зачем ты ко мне от Феликса отсела? Столько лет сидела, когда на него и смотреть-то было противно, а сейчас, когда девчонки за него драться готовы, ты, как последняя дура, без боя отдала свое место какой-то там Слесаренко! Может, вы с Лившицем поссорились или… наоборот? Меня и девчонки без конца об этом спрашивают…

– Что значит «наоборот»? – удивилась Марина.

– А то и значит, что, может быть, между вами сложились какие-то такие отношения, которые вы не хотите афишировать, а сами где-нибудь тайно встречаетесь…

– Совсем вы с девчонками с ума посходили! – Марина покрутила пальцем у виска, а сама при этом нервно думала о том, что если рассказать Милке про Рыбаря, то она, пожалуй, и не поверит.

– Значит, с Феликсом ты не встречаешься? – с большим подозрением еще раз спросила Константинова.

– Нет.

– А с кем встречаешься? – не сдавалась Милка.

– Ни с кем! – отрезала Марина. – Отстань от меня, Людмила, очень тебя прошу!

– Ах так, да? – всерьез разобиделась Константинова. – Ну и какая же ты мне подруга после этого? – Она остановилась посреди тротуара и уперла руки в бока, так что прохожим стало очень трудно ее обходить.

Марина вздохнула и решилась признаться во всем Милке, потому что в ее возрасте уже гораздо стыднее быть невлюбленной, чем влюбленной в несколько неперспективную личность.

– Ладно, пойдем, – потянула она за собой Константинову, – я тебе расскажу… Только дай слово, что воспримешь это адекватно.

– Адекватно – это как? – Милка не собиралась трогаться с места до тех пор, пока не будут расставлены все точки над «i».

– Ну… дай слово, что не будешь смеяться… – заглядывая Константиновой в глаза, попросила Марина.

– Смеяться?! – Милка тут же дала дорогу прохожим, потому что сообщение обещало быть интересным и с места стронуться стоило. – Кто ж над любовью смеется? Только бессердечные люди!

Когда подруги уселись на скамейку в скверике возле Марининого дома, Милка в предвкушении сногсшибательной новости смогла произнести всего лишь одно междометие, но в нем явственно слышалось все сразу: и вопрос, и дружеское участие, и подбадривание, и обещание никому не проболтаться, и главное – разрывающее ее на части любопытство:

– Ну!!!

– Ну… – Это повторенное Мариной «ну» было в тысячу раз беднее Милкиного, потому что в нем, кроме неуверенности, ничего другого, к сожалению, не

сквозило. – Понимаешь… мне нравится один парень из нашего класса… который никому больше не нравится…

– И кто же это? – Константинова на всякий случай придвинулась к Марине поплотнее, чтобы ненароком в шуме улицы не пропустить какой-нибудь мелкой, но очень важной детали.

– Это… ты, конечно, не поверишь… но это Богдан Рыбарев… – слабым голосом выдохнула Марина.

– Да ладно… – скривилась Милка, так как сначала подумала, что подруга ее разыгрывает, но, увидев, как Маринино лицо сделалось багровым, в состоянии полного изумления прошептала: – Не может быть…

– Ну вот, я же говорила, что не поверишь… – Марина отвернула голову в сторону, так как боялась встретиться с Константиновой глазами.

– Вот, значит, к чему привели все эти «домашки» с «контрошками»… – проронила растерянная Милка. – Или ты из любви их ему и решаешь, как проклятая, а?

– Не знаю я, Милка, что было сначала, а что потом, – сказала Марина и опять представила, как Рыбарь склоняется к ней с высоты своего очень хорошего роста, чтобы поцеловать в губы. Как и во время предыдущего представления, ее пробрала дрожь, и она зябко поежилась.

– Знаешь, Маринка! – собрала свою волю в кулак Милка Константинова. – Тебе срочно надо его разлюбить, потому что это уже не «Ромео и Джульетта», а натуральный «Собор Парижской Богоматери» получается! Тоже нашла себе Квазимодо!

– Никакой он не Квазимодо! – обиделась за Рыбаря Марина. – Ты вот завтра присмотрись к нему получше!

– А то я на него за столько лет не насмотрелась!

– Да вы все, кроме как на Орловского с Лившицем, ни на кого больше и не смотрите! Прямо как стадо…

– Несмотря на то, что ты по этому поводу думаешь, – возмутилась Милка, – я очень хорошо представляю Рыбины брючатки по колено и не пойми какого цвета куртенку от спортивного костюма. Мне кажется, что он их не снимает с самого детского сада.

– Ну и что! А рост! А лицо! Ты представляешь себе его лицо? – горячилась Марина.

– Лицо… – задумалась Милка. – Лицо у него какое-то белое, по-моему…

– Естественно белое, не негр же он!

– Рост у него, конечно, ничего… неплохой рост… – начала сдавать позиции Константинова. – А вот лицо… Если честно, так я и не очень помню, какое у Рыбаря лицо… Завтра придется присмотреться.

– Вот-вот, – подхватила Марина, – ты сначала присмотрись, а потом уж и говори, кто Квазимодо, а кто – нет.

На следующий день после первого же урока Милка отвела Митрофанову к окну и с ошеломленным лицом прошипела ей в ухо:

– Ты, Маринка, того… права… Рыбарь-то, пожалуй, не хуже Орловского будет, в своем роде, конечно. Такой интересный блондин… Скандинавского типа… Как это ты разглядела? Только неплохо бы его слегка отстирать… Ну да ладно, это и потом не поздно будет сделать. Пожалуй, люби его. Разрешаю! – Она улыбнулась и добавила слова Васьки-Куры, которые сделались в 9-м «Г» любимой крылатой фразой, подходящей к любой ситуации: – Боги Олимпа не против!

Глава 3

Треугольные скалярии и нерешенные задачи по физике

Илья Криворучко перелистывал выданные ему Митрофановой книги и не знал, как ему лучше поступить: гордо бросить их ей в лицо со словами: «Забери и больше не смей ко мне приближаться!» – или все-таки сделать конспект и начать заниматься, поскольку фигурой он, надо честно признаться хотя бы самому себе, совершенно не блещет. Он закрыл книги, сложил их перед собой стопочкой и решительно признался себе еще и в том, что ту блестящую фразу о неприближении к нему Митрофановой он никогда не сможет ей сказать, потому что собьется сразу же на первом слове «забери». Эта ненормальная Марина парализует его своим взглядом, как удав. И чего она к нему привязалась?

Илья подумал еще немного и решил сделать себе заодно и третье признание. Заниматься этими полезными упражнениями ему здорово лень и неохота. Почему лень, понятно каждому дураку, а неохота, потому что занятия будут отвлекать его от другого. Он, Илья Криворучко, разводил аквариумных рыб и очень серьезно подходил к этому делу. У него было целых три аквариума: два прямоугольных и один круглый. В прямоугольных аквариумах жили довольно-таки обычные, хотя и очень красивые рыбки: меченосцы, скалярии, моллинезии, а в круглом – тепловодные золотые. Золотых рыбок было три штуки. Одна, которую Илья назвал Изабеллой, была скорее даже не золотая, а блестяще-рыжая, будто бы медная и хорошо начищенная, с огромными выпученными глазами и прозрачным апельсиновым хвостом. Две другие, Дашка и Машка, имели тоже шикарные вуалевые хвосты и телескопические глаза. Дашка была бледно-золотистая, как любимая мамина перламутровая помада, а Машка – лимонно-желтая с двумя черными пятнами по бокам. Из-за этих пятен отец дразнил ее Буренкой, но Машка, похоже, и не думала обижаться, поскольку никогда никаких Буренок в глаза не видела.

Илья любил ездить на Кондратьевский рынок, где собирались аквариумисты, и если бы у него была возможность, то скупил бы, наверно, все разновидности рыбок, которые только ему попадались. Но такой возможности у него не было. Мама увлечение сына не одобряла, потому что рыб не любила. Ей казалось, что аквариумы портят ее до мелочей продуманный интерьер. Илья с трудом отвоевал свои три аквариума, но если бы не отец, то и это вряд ли бы удалось. Директор фабрики детских игрушек в тот день, когда дома разгорелась целая битва по поводу нахождения в нем аквариумов, твердо сказал маме, которой, в общем-то, перечил довольно редко, что сын имеет право в своей комнате делать то, что просит его душа. Душа Кривой Ручки просила гораздо большего, чем три жалких аквариума, но пока вынуждена была удовлетворяться тем, что есть.

Илья вздохнул, опять придвинул к себе Маринины книги и уставился на обложку той, что в стопке лежала сверху. На ней был изображен накачанный молодой человек с огромными бицепсами и мускульными шашечками на животе. Красиво, конечно, ничего не скажешь…

Странная все-таки эта Митрофанова. Чего она к нему пристала? Неужели ей в самом деле хочется, чтобы у него была такая фигура? Зачем ей это надо? Какая ей разница, есть ли у него шашечки на животе или нет? А может, она в него влюбилась? Илья подумал об этом нечаянно и тут же испугался, будто сказал глупость вслух при всем классе. Разве ж можно в него влюбиться? Да никому и никогда! Он посмотрелся в стекло круглого аквариума и решил, что даже отражающееся в нем лицо, сплюснутое и вытянутое по горизонтали, все же симпатичнее того, которое он ежедневно видит в зеркале. Но, с другой стороны, если взять, к примеру, Пушкина… Тоже не Голливуд и низенький к тому же… Конечно, он, Илья, стихов не пишет, но зато учится лучше всех в классе. На прошлой неделе победил в очень крутом конкурсе по физике для школьников, который устраивал питерский университет. Директриса в честь его победы даже линейку параллели девятых классов собрала, а декан физмата, который уже вручал ему диплом в университете, специально приехал в школу и подарил еще и авторучку – настоящий «Паркер». Может быть, Митрофановой это и понравилось? Нет, она еще раньше эти книги притащила… И вообще, давно зачем-то вяжется… А здорово было бы, если бы она и вправду в него влюбилась! В конце концов, имеет он право помечтать? Вот если бы она действительно в него влюбилась, то он мог бы ей подарить… Изабеллу…

Кривая Ручка второй раз за вечер испугался своих ужасных мыслей. Разве можно расстаться с Изабеллой? Он посмотрел в аквариум. Огненная рыбка, будто на ниточке, висела в воде как раз напротив него и лениво шевелила своим царским хвостом и прозрачными плавниками. Куда она смотрела огромными выпуклыми глазами, понять было невозможно. Наверно, куда-нибудь мимо Ильи… от обиды… Кривая Ручка постучал пальцем по стеклу, утешая Изабеллу, но она, похоже, обиделась всерьез и уплыла в глубь аквариума. Конечно, он не отдаст Изабеллу. Не потому, что жалко, а потому, что за теплолюбивыми рыбками без привычки трудно ухаживать: температуру поддерживать и всякое такое… Он лучше подарит Марине скалярий! Точно! И Илья, боясь третий раз за вечер испугаться и передумать, взял специальную баночку с металлической ручкой на крышке, с которой обычно ездил на Кондратьевский, и отсадил в нее из прямоугольного аквариума двух красавиц скалярий: жемчужно-серую и черную, тоже с очень красивыми, будто бы рваными хвостами.

Одевался он быстро, стараясь не думать вообще ни о чем, чтобы нечаянно не явилась мысль, которая заставит его выпустить рыбок обратно в аквариум. Он ни о чем не думал вплоть до того момента, как очутился перед квартирой Митрофановой, а как очутился, сразу подумал, что надо срочно бежать обратно. И он так и сделал бы, если бы дверь не открылась и из нее не вышла бы Марина Митрофанова.

– Криворучко, ты? – удивилась она. – Книги принес?

– Нет… Я п-пришел спросить, м-можно мне их еще н-немного подержать у себя? – заикаясь и краснея, залепетал Илья.

– Конечно, можно. Я могу их продлить, а если ты хочешь, то можно их и на твой абонемент переписать. У тебя есть абонемент в районной библиотеке?

Кривая Ручка согласно кивнул, хотя никакого абонемента ни в какой библиотеке у него не было.

– Так что, перепишешь книги на себя? – спросила Марина.

Он опять кивнул, и Митрофанова в ответ удовлетворенно улыбнулась. Глядя на эту улыбку, от которой на ее щеках образовались две симпатичные ямочки, Кривая Ручка окончательно понял, что готов ради этих ямочек на все, на что ранее никогда готов не был. Он решительно выставил вперед банку с рыбками и очень храбро сказал:

– Вот…

– Ой! Кто это? – восторженно пропела Марина и вгляделась внутрь банки. Из прозрачной толщи воды на нее таращили немигающие глаза две плоские треугольные рыбки с рваными хвостами. Поскольку они назывались скаляриями, Кривая Ручка так и сказал:

– Это скалярии…

– Очень красивые, – продолжила изъявлять восторг Марина. – Белая и черная, прямо как день и ночь!

– Это тебе… – удивляясь неиссякаемости собственной храбрости, сказал Кривая Ручка.

– Если ты думаешь, что за книги мне что-то должен, то…

– Нет, это не за книги, – перебил ее Илья, – а так просто… Подарок…

– Спаси-и-ибо, – протянула Марина и посмотрела на него благодарными глазами.

Кривая Ручка понял, что угодил Митрофановой так, как даже и не рассчитывал угодить. Он несколько сконфузился и не знал, что делать дальше, но Марина его выручила.

– Подожди меня здесь. – Она указала на подоконник лестничной площадки. – Я отнесу рыбок домой, а потом ты меня проводишь… в одно место, а по пути расскажешь, чем их кормить, ладно?

Что мог ответить на это Кривая Ручка? Конечно же, он ответил:

– Ладно, – и послушно сел на прожженный сигаретами и исписанный подоконник.

Митрофанова вернулась довольно быстро, и они вместе спустились вниз на лифте. В кабине Илья старался держаться от Марины на почтительном расстоянии, чтобы не так резко бросалась в глаза ужасающая разница в росте. На улице это делать уже стало затруднительно, тем более, что Митрофанову эта разница почему-то совершенно не смущала, и она так и норовила приблизиться к Кривой Ручке вплотную.

Илья как раз успел пробубнить все необходимое о жизнедеятельности треугольных скалярий и их правильном питании, когда они с Мариной подошли к дому напротив митрофановского.

– Ну, мне сюда, – улыбнувшись и вновь обретя лицом чудесные ямочки, сказала Марина. – Спасибо тебе, Илюша. Такие рыбки! Восторг! Мне еще никто не делал такого удивительного подарка! Ты – первый!

С этими словами Марина скрылась в подъезде, а гордый собой Илья направился к собственному дому, и чем ближе он к нему подходил, тем меньше в нем оставалось гордости и тем больше росли беспокойство и неуверенность. Конечно, со скаляриями он выступил очень удачно, ничего не скажешь, но этот дом напротив митрофановского чем-то ему здорово не понравился. Пораскинув как следует своими аналитическими мозгами, которые по достоинству оценил даже физмат питерского университета, Кривая Ручка понял, что ни к кому в этом доме, кроме Богдана Рыбаря, Марина пойти в гости не могла по той простой причине, что, кроме вышеозначенного Рыбаря, в нем никто из их 9-го «Г» не проживал. Теоретически, конечно, Митрофанова могла зайти в любую другую квартиру. Практически – тоже. Но сердце Кривой Ручки, который в этот момент почувствовал себя самым что ни на есть жалким Карлсоном, подсказывало, что все дело тут именно в белобрысом и туповатом троечнике Рыбаре. Марина уже давно зачем-то помогала учиться этому бездельнику, а на завтра физик Борис Петрович как раз назначил контрольную по решению задач. Кривая Ручка учуял соперника, который запросто мог заполучить Митрофанову без борьбы и скалярий, одним только своим могучим ростом и бестолковой белобрысой головой. На несколько минут Илья даже пожалел о том, что его мозги так рационально устроены и умеют решать задачи сами, но потом прогнал эти дурные мысли, съежился внутри своей черной куртки и печально побрел к дому в том же меланхолическом настроении, в каком пребывал, разглядывая Маринины книги по строительству красивой фигуры.

Меланхолия Кривой Ручки была не напрасной. Марина Митрофанова поднималась на четвертый этаж старого дома и радовалась, что лифта в нем нет. Не спеша, медленно преодолевая этаж за этажом, она пыталась успокоиться и утихомирить бешеное биение собственного сердца. Она действительно пообещала Рыбарю помочь подготовиться к контрошке по физике. Эта ее помощь ничуть не отличалась бы от всех предыдущих, если бы она несколько дней назад не решила любить Богдана совсем другой, нежели прежде, любовью. Казалось бы, дело должно упрощаться тем, что сам Рыбарь об этой перемене и не догадывался, но у Марины почему-то ноги стали ватными, а в ушах даже слегка позванивало. Она уже ничем не напоминала ту Марину, которая по-детски радовалась криворучковским скаляриям. Она была бледна, томна и испуганна.

– Проходи, – по-деловому пригласил ее в квартиру Рыбарь, провел в комнату и сразу усадил за стол. – Так! Вот задачник! Решаешь по каждому разделу

контрошки по одной задаче и пишешь вот на этих бумажках мелко, но разборчиво. Ясно?

– Ясно, – выдохнула Марина.

– Ну и хорошо, – обрадовался Рыбарь, – а я пока за Ромкой и близнятами во двор сбегаю. Кормить их надо.

Рыбарь, накинув куртку, выбежал из квартиры, а Митрофанова придвинула к себе задачник. Прислать Богдану на физике готовое решение, как она это делала на контрольных по математике, Марина не могла. Борис Петрович бдительно следил, чтобы на его уроках никто никому не подсказывал. Поэтому единственным вариантом был тот, который придумал сам Рыбарь: Марина четко записывает ему решение возможных задач, а он на контрольной пытается решить свои по аналогии. Вообще-то, у них тетрадь по физике была полна решениями аналогичных задач, но Рыбарь, похоже, никогда и не трудился их записывать. Зачем надрываться, если придет странная Митрофанова и своим аккуратненьким почерком все перепишет на маленькие бумажонки, называемые в народе шпорами.

Марина смотрела в задачник, но буквы и цифры складывались не в условия задач, а в весьма странные узоры, растекающиеся по страницам. Она пыталась заставить их собраться в строчки и даже пыталась удержать в таком положении растопыренными, как на фортепианной клавиатуре, пальцами, но результат был нулевой.

Через некоторое время в квартиру ворвался взъерошенный Рыбарь.

– Ты представляешь, эту мелкоту не загнать домой обедать! Уже третий раз во двор бегаю. А мать потом мне трепку задаст, что дети не кормлены.

Он сорвал с плеч куртку, в сердцах бросил ее на продавленный диван, подошел к Митрофановой и спросил:

– Ну, как дела? Много решила?

У Марины от страха и напряжения потемнело в глазах.

– Нет… Я н-не решила, – промямлила она так же, как совсем недавно мямлил и заикался перед ней Кривая Ручка.

– Почему? – справедливо возмутился Рыбарь.

– Потому что…

Марина под его взглядом, как под гипнозом, во владении которым ее тоже подозревал Илья, поднялась со стула и оказалась перед Рыбарем совсем рядом, как в своих видениях. Он удивленно смотрел на нее с высоты своего замечательного роста и был очень хорош собой: и серыми глазами с голубизной, и темными ресницами, и розовой, разгоряченной после бега по лестнице кожей, и растрепанными белокурыми волосами, падающими на лоб криво постриженной челкой.

– Потому что… – снова попыталась заговорить Марина.

Но она так и не знала, как лучше объяснить свою сегодняшнюю неспособность к решению физических задач. А Рыбарь вдруг все понял сам. Он нервно отбросил со лба волосы и точно так, как и виделось Марине, нагнулся к ней и поцеловал, правда, не в губы, а в щеку. И тут же отскочил в сторону и жутко покраснел, будто сделал что-то ужасное, стыдное и неприличное. Марина, как электрон, оттолкнувшийся от одинаково заряженной частицы, резко подалась в другую сторону. Они остановились на безопасном расстоянии и расширившимися глазами с ужасом смотрели друг на друга.

– Я не хотел… – после некоторого молчания сказал Рыбарь.

– Я понимаю… – отозвалась Марина и сделала шаг к столу. – Я сейчас все тебе решу.

– Нет! – он быстро захлопнул задачник.

– Но как же… – совсем растерялась Марина. – Ты же получишь «два»…

– Ну и что! Пусть!

– Тогда я пойду…

– Иди…

Марина развернулась к выходу, но Богдан, будто выстрелом, остановил ее вопросом:

– Ты меня теперь презираешь?

– Нет, – не поворачиваясь, ответила Марина и выбежала из квартиры Рыбаря.

На лестнице она столкнулась с оравой маленьких рыбарят, которые, очевидно, все-таки проголодались и направлялись обедать. Младший Ромочка тащился последним, вяло похныкивая. Марина наклонилась к нему и спросила:

– Что случилось? По какому случаю ревешь?

– А чего они меня не ждут? – всхлипнул мальчишка, показывая на близнят, которые уже молотили кулаками в дверь своей квартиры.

Марина заметила, что у Ромочки такие же светлые, серо-голубые глаза, как у Богдана, и смешные тоненькие, темные, тоже породистые, бровки домиком.

– Не ждут? Да ну и что! Подумаешь! – Она пригладила ему белые вихры и заверила его: – Ты сейчас отдохнешь и их догонишь. – И она прикоснулась губами к розовой щечке рыбаренка, как бы отдавая поцелуй, подаренный ей Богданом.

Дверь квартиры наконец распахнулась. Близнецы вихрем ворвались внутрь, а Богдан выскочил на площадку за Ромочкой. Они встретились с Мариной глазами и опять в ужасе отпрянули друг от друга: Рыбарь попятился назад в квартиру, а Марина вихрем вылетела на улицу. Она прижалась спиной к двери подъезда и никак не могла унять бешено бьющееся сердце. Как же теперь ходить в школу? Как встречаться с Богданом? У нее ж просто-напросто разорвется сердце! Но разве не этого она хотела? Все было, как в ее видениях: он наклонился и поцеловал. А что не в губы, так это даже лучше, потому что если бы в губы, то она вообще умерла бы на месте.

А Богдан Рыбарев в этот момент пытался накормить своих мелких Рыбарей. При этом он вывалил на пол полкастрюли макарон, сжег пустой чайник и положил Ромочке целых три сосиски вместо двух. Ромочка очень обрадовался такому своему необыкновенному везению, а близнецы громко возмутились вопиющей несправедливостью, но Богдан так и не понял, чего они все от него хотели. Ромочка на всякий случай с быстротой хомяка принялся откусывать от трех сосисок одновременно, а старший Рыбарь в состоянии полнейшей прострации удалился в комнату, где прилег на продавленный диван и задумался.

Чего это на него нашло и, главное, зачем? И будет ли теперь странная Марина решать за него контрольные и домашки? Вообще-то она, кажется, как раз хотела решить задачи по физике, но он не дал. Зря… Или не зря? Что такое эти глупые задачи по сравнению с теплотой ее бархатной щеки, которую он до сих пор ощущал на своих губах? Он провел по ним тыльной стороной ладони, будто стирая Маринины следы, но они не стерлись. Губы горели, и Богдан понял, что ему не нужно больше от этой девочки никаких задач. Была бы сама Марина где-нибудь рядом, так близко, чтобы еще хоть один раз посметь коснуться ее щеки.

А в доме на соседней улице в состоянии полного неудовлетворения сидел перед круглым аквариумом Илья Криворучко. Он смотрел на застывшую в воде Изабеллу и думал о том, что зря жался и камуфлировал свою жадность под трудность ухода за теплолюбивыми рыбками. Если бы Марина Митрофанова увидела огненно-золотую Изабеллу, то еще совершенно неизвестно, пошла бы она в гости к Рыбарю или поспешила бы обратно в свою квартиру, чтобы устроить эту красавицу у себя на жительство. Говорят же, что скупой платит дважды. Как это верно! Он, Илья, гнусный жадный Карлсон, сначала натуральными деньгами заплатил за рыбку, а теперь еще дополнительно платил ужасными переживаниями в виде впервые в жизни испытанной жуткой ревности.

Глава 4

Квадратное поле любви

Вадим Орловский нынешним утром, в понедельник, решил наконец объясниться со странной Мариной Митрофановой и положить конец своим переживаниям. Скорее всего, Марина даже не может помыслить, что он положил на нее глаз. Конечно, кто такая Марина? Всего лишь миленькая девочка, каких толпы ходят по их средней школе. А он, Вадим? Да за его благосклонный взгляд те же толпы девчонок, фланирующие по коридорам, могут запросто затоптать друг друга, если им сказать, что та, которая добежит до него первой, будет танцевать с ним всю следующую дискотеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/lubenec_svetlana/amulet-dlya-vlyublennyh

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить